

СОВСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ АРХИМАНДРИТА

СТЕФАНА НИКОЛОВА

13 октября 1944 года.

Я, архимандрит Стефан Николов, главный редактор церковной газеты, 40 лет, монах, родом из села Желява, Новосельского района, Софийской области.

На заданные мне вопросы отвечаю следующим образом:

В Винницу /Украина/, по решению Св.Синода, должны были поехать я и архимандрит Иосиф, начальник культурно-просветительного отдела при Св.Синоде. Впоследствии архимандрит Николай - ректор Софийской духовной семинарии - заявил в Св.Синоде, что ему очень хочется также поехать, ему разрешили /^{он} говорил с митрополитом Паисием/ и он был в германском посольстве, где с удовольствием приняли его готовность поехать также в Винницу. Мы с о.Иосифом поехали 13 июля 1943 года самолетом до Берлина, а о.Николай также самолетом прилетел на следующий день. От Софии до Божурице нас отвез на своей машине чиновник немецкого посольства Бирман. Решение Св.Синода о том, что мы поедem в Винницу, нам сообщили на /главной/ лестнице в здании Св.Синрда митрополиты Паисий и Кирилл. Насколько мне известно, приглашение поехать в Винницу со стороны немецкого посольства предназначалось для архиереев /владык/, но, поскольку Св.Синод в полном составе который обыкновенно заканчивает свою летнюю сессию на Петров день, в 1943 г. не закончил свою работу до этого дня, необходимо было продолжать сессию и поэтому послали нас.

Делал ли Св. Синод какое-нибудь предпочтение при выборе лиц, мне это неизвестно. В Берлине на аэродроме Темпельгоф нас встретил какой-то господин, вероятно, из Министерства Иностранных дел и отвел нас в гостиницу "Кайзергоф". Пока продолжалось наше пребывание в Берлине, мы не платили ни за квартиру, ни за питание. Прежде, чем поехать туда, я получил из Центрального Болгарского Народного банка аккредитив на получение валюты в размере от 8 до 10 тысяч левов точно не припоминаю. Так как в Германии абсолютно ничего нельзя было купить, я, вернувшись, снова получил эти деньги из банка, кроме незначительной части, которая была израсходована. Немцы не дали нам абсолютно никаких денег. Дорога Берлин-Винница и обратно была совершенно бесплатной.

После нашего прибытия в Берлин, это было к вечеру 13-го июля, ничего ^{особенного} ~~абсолютно~~ не было, кроме ужина вместе с господином, который нас встречал. На следующий день к нас в гостиницу пришел Курт Гауке, секретарь немецко-болгарского общества в Берлине, и он часто бывал с нами во время нашего пребывания там. Вечером 14 июля мы ужинали вместе с членами румынской и сербской делегаций в доме иностранной прессы. Присутствовали Гауке, еще несколько немцев, фамилии которых не припоминаю, и в качестве старосты с их стороны Лангеман, бывший посланник Германии в Уругвае. Он же пригласил нас после ужина к себе домой на кофе. 15-го июля около 8 часов утра с немецкого аэродрома Темпельгоф на двух самолетах в Винницу вылетело приблизительно 30 человек представителей: швейцарцев, шведов, норвежцев, финнов, румын, сербов, болгар и проч. Во Львове, где самолеты брали бензин, сделали короткую остановку и к 3 часам пополудни

приземлились на Винницком аэродроме, откуда до города, который находится в 1,5-2 км, нас отвезли на машине. Нас встретил областной немецкий комиссар, представитель пропаганды и другие, но ни одной фамилии я не припомню. Устроили нас в городе в военной гостинице и после обеда и короткого отдыха нас отвели сперва в местность "Долинка", непосредственно западнее гор. Винницы, где нам показали большие открытые могилы и более 100 /СТА/ разложившихся трупов /людей/, личность которых, по моему мнению, нельзя было установить, даже и близким им людям. Нам сказали, что уже вырыто более 2.000 подобных трупов, и что имеются еще неразрытые могилы. Мы были еще в двух местах, где будто бы также должны были делать раскопки и найти подобные находки, но мы не могли констатировать, что в этом направлении было что-либо предпринято и достигнуто. Вернувшись к вынутым трупам мы присутствовали при отпевании их, произведенном высшими и низшими представителями местных русских православных властей. На следующий день - 16 июля, к 8 часам утра снова ездили на то же место, где немецкий военный врач показал нам, что смерть жертв последовала от выстрела в затылок из оружия мелкого калибра, но мы, оберегаясь от невыносимого запаха, издаваемого этими трупами, смотрели на расстоянии 5-6 метров и ожидали окончания формальностей, и, говоря совершенно искренне, я совершенно ничего не видел. После этого мы возвратились в город, где, если я хорошо помню, собрались все до одного в военной столовой, и там представитель немецкой пропаганды сообщил, что трупы, которые мы видели, - это винницкие граждане и граждане всей винницкой области, - почти исключительно мужчины / нам сообщили, что открыли, думаю, только 18 женских трупов/, арес-

тованные и убитые Советскими властями за период сентябрь 1937 г. и май 1938 г., когда / как нам тоже сообщили / заканчивался срок 3-й Пятилетки, а убитые проявили себя, как враги режима. Еще нам сообщили, что когда производились аресты убитых и их уничтожение, руководителем ГПУ в Виннице, а также его главными функционерами, были евреи. Этим закончилась наша работа и наше пребывание в Виннице. Мы не подписывали никаких документов. Однако, немцы со своей стороны настойчиво упрощали нас, чтобы мы придали гласности виденное, что показывал характер Советского управления. Был установлен радиопередатчик в одном из соседних помещений и после того, как один швед, финн и серб выступили, каждый на своем языке, с болгарской стороны говорил я. То, что я сказал в продолжении около двух минут, имеет следующий смысл: Находимся в Виннице, где присутствовали на похоронах более 100 /СТА/ трупов, которые, согласно расследованиям, произведенным немцами, принадлежат русским гражданам, несогласным с Советским режимом и заплатившим за это своей жизнью. Этим кончилась наша поездка в Винницу. Некоторые из посетителей поехали в один из соседних колхозов, сопровождаемые немцами, но мы, болгары, сопровождаемые старостой города, посетили местные церкви. В 12 часов все вместе обедали и к половине второго обратно тем же путем вернулись в Берлин. Все наше пребывание в Виннице продолжалось 24 часа. 17-го, если не ошибаюсь, в Берлине Гауке предупредил нас, что мы приглашены на обед, устраиваемый городским головой Берлина, который как председатель немецко-болгарского общества там, оказывает честь прибывшему после нас в Берлин профессору Ал. Станишеву, вместе с Борисом Кочевым - тогдашним директором Национальной

пропаганды, которые также должны были поехать в Винницу. На обеде мы были представлены городскому голове. Впрочем, я и архимандрит Иосиф запоздали, так как надо было привести в порядок наши бумаги для возвращения и там нас задержали, так что сидели в конце стола на импровизированных местах. На обеде говорили: староста Берлина, Станишев горячо хвалил Германию, а затем без нашего - т.е. моего и и.о. Иосифа согласия, - отец Николай, который говорил в том же смысле. С профессором Станишевым и Коцевым мы поздоровались после окончания обеда, затем мы разошлись и возвратились в гостиницу. Когда о.Николай встретил нас с о.Иосифом на улице Унтер ден Линден, я не могу вспомнить точно какое это было время, он шел вместе с Найденом Памукчиевым, которого я не знаю и никогда не видел до этого времени. О.Николай нам сообщил, что он уже был в радиостудии / точно так и сказал / говорил о своих впечатлениях о виденном в Виннице и то, что сказал, было записано на две пластинки, одну из которых он получил на память. Он и Памукчиев упрекнули нас с о.Иосифом что мы скрываемся и поэтому они не могли, вернее, Памукчиев не мог найти нас, чтобы и мы сказали несколько слов по радио, так как немцы хотят, чтобы это было сделано во что бы то ни стало. Мы были, хотя и деликатно, но прямо прижаты, как говорится, к стенке и при настойчивой просьбе со стороны Памукчиева, сказать, когда мы будем готовы, ответили, что в первую половину следующего дня. В установленное время все трое / о.Николай пожелал снова выступить вместе с нами / отправились, сопровождаемые Памукчиевым в здание берлинского радио, где первый говорил архимандрит Николай, затем я и после меня о.Иосиф. Порядок, кто за кем будет гово-

рить, мы сами определили, исходя из духовного старшинства. Все трое говорили около 5 минут. Было записано на пластинки, но никто не пожелал просить их "на память". По моим соображениям, а именно: потому что меня уже раз"едало сомнение насчет авторства винницкого раскрытия и, мысленно перебирая в уме участь славянства в течение его истории и его борьбы с тевтонцами, а, с другой стороны, принимая во внимание сообщение представителя немецкой пропаганды в Виннице, что во время, когда там были совершены упомянутые убийства, руководителями ГПУ там были евреи, я указал, что евреи изготовили плохую участь русскому народу при режиме Советской власти. После этого в течение двухдневного пребывания в Берлине до нашего от"езда обратно в Болгарию мы были совершенно свободны и никто не интересовался нами. После четырехдневного пребывания в Будапеште выехали мы с о.Иосифом и 26 июля 1944 года возвратились в Софию. Архимандрит Николай не остался в Будапеште, так как из-за спешной работы он вернулся прямо из Германии в Болгарию.

Вышеизложенное написал собственноручно

Архимандрит Стефан.

Продолжаю свои показания в связи с услугой, оказанной
мною Елене Бероха и ее семейству.

26 июля 1944 года я вернулся из Германии-Винница в Болгарию; остался на квартире в Св.Синоде, где я переночевал. 27-го того же месяца утром, когда я направлялся по служебному делу к секретарю Св.Синода, прежде, чем войти к нему, я был остановлен г-ном Николаем Желевым, начальником Б.К.отделения Св.Синода, перед его кабинетом. Он с собой вел Елену Бероха, которую я знал немного раньше. Г-н Желев сообщил мне, что заместитель председателя Св.Синода митрополит Неофит и Врачанский митрополит Паисий распорядились, чтобы я оказал услугу вышеупомянутой Е.Бероха и ее семейству при отъезде из страны посредством моих связей с соответствующими лицами в Скопле. Желев сказал мне, что по этому случаю они имеют все бумаги в порядке, как для выезда за пределы страны, так и в отношении имеющих у них сумм и ценностей. Здесь же я упомянул, что лично я к Елене Бероха не имел особенного расположения. Это объясняется тем, что когда в 1940 году поздно осенью она была крещена в православие, она пользовалась покровительством митрополита Стефана, тогдашнего моего начальника, и, поскольку вопрос по регулированию ее документов в связи с крещением не шел по установленному порядку - через канцелярию, а через митрополита, и меня вызывали во-время и не-во-время и обязывали часто заниматься ее делом, то у меня накопилась к ней неприязнь. До тех пор меня ни разу не знали с ней. Позже случайно ее мне представил в своем кабинете зам. председателя Софийского областного суда Константин Михайлов, когда я ездил к нему по моим делам, и там я ее застал. До этого случая в Св.Синоде я ее видел однажды 2-3

месяца тому назад. Вообще она часто появлялась как в митрополии, так и в Св.Синоде и при этом свидании она меня упрасивала, чтобы я ходатайствовал перед генералом Миховым - тогдашним военным министром, но я ей ответил, что не нахожусь в близких отношениях с ним и не могу ей помочь. 27-го июля, когда Желев передал мне распоряжение двоих владык, один из которых является главой нашей церкви, то я, из-за своей карьеры, хотя мне было неприятно все это дело при имеющемся отношении светской власти к евреям, я пожелал видеть какие документы имеет семейство Бороха. Елена мне показала паспорт с выездной визой дирекции полиции о том, чтобы покинуть Болгарию в срок до 30 июля. Я видел, что она имеет необходимое для того времени полицейское разрешение, чтобы покинуть Софию и отправиться в Скопле, и еще видел, что она имеет с собой аккредитив Болгарского народного банка на сумму 60.000 левов в итальянских лирах. Тогда я ей сказал, что, насколько я смогу, я ей помогу перед властями, но буду в Скопле только 29-го сего месяца. Елена Бороха сказала мне, что они уедут в Скопле 28 июля и попросила разрешение, чтобы послать в адрес митрополии в Скопле три чемодана багажа, так как там никого не знает. Я дал свое согласие, потому что не допускал, что случится что-нибудь плохое. Она попросила меня еще взять с собой и отвезти им при возвращении в Скопле 600 американских долларов в банкнотах, 60.000 болгарских левов в банкнотах, уложенные в туристическую коробку для еды, старые золотые, почти не работающие часы, золотую дамскую брошку с камнями и, кажется, две нитки жемчуга / но о них я уже не припоминаю/. Когда я видел чужие банкноты, я отказался сделать эту услугу потому, что знал, что любое

злоупотребление строго карается, но она заплакала и сказала мне, что как на итальянскую валюту, так и на все остальное имеет документ, но он находится дома. Еще упрасивала меня, чтобы взять их, говоря, что, как еврейку, ее в поезде будут обыскивать и как таковую, почти не имеющую прав, могут ограбить под предлогом, что конфискуют ее деньги и ценности для проверки. Я знал, что это почти так. А, поскольку она меня умоляла взять не только чужую валюту и ценности, но и наши деньги / 60.000 левов/, я, со словами: "Девушка, принесешь ты мне какое-либо горе на голову", - согласился взять эти вещи с собой, и она ушла.

29 июля я прибыл в Скопле поездом к 10 часам вечера. В митрополии протодьякон Подубный /Дуснок/ сообщил мне, что под вечер Елена Бережа со снохой искали меня и просили, чтобы когда я вернусь, если они не дадут о себе знать, ^я искал их в полиции, куда их вызывали и освободили. Я стал сильно тревожиться и сказал о.дьякону, что при мне имеются некоторые их вещи, и показал ему ценности и деньги. На следующее утро я сошел вниз позже; потому что устал от дороги, и застал их обоих - Елену и ее сноху, которые беседовали с дьяконом. ^{Мы} позавтракали вместе и они сказали мне, что не знают почему, но их вызывали в полицию, чтобы расспросить, в порядке ли их документы. Я их тоже спрашивал и они сказали, что удивлены, почему их вызывали. Из митрополистского дома мы пошли в канцелярию митрополии и я сразу связался с тогдашним областным полицейским начальником - Асеном Богдановым по их вопросу. Он мне сказал, что из Софии ему было дано распоряжение, чтобы они остались в Скопле, пока будут урегулированы некоторые вопросы в связи с их отъездом. Я рассказал ему случай с ними и попросил его указать им удоб-

ный исходный пункт, чтобы перейти с болгарской на албанскую / тогда итальянскую/ территорию, так как их выездная виза, выданная нами, находится в порядке, но для в"езда в Италию они визы не имеют и поэтому отправляются под свою ответственность. Богданов сказал мне, что даст о себе знать и сообщит мне.

Однако, сразу после разговора с ним я имел беседу по какому-то делу с уездным управителем Качаника г-ном Чирпанлиевым и я попросил его об услуге, о которой раньше просил Богданова, так как его уезд граничит с Италией. Он с готовностью обещал мне, но при условии, что Богданов даст на это свое согласие. Я сказал ему, чтобы он спросил у него. И действительно, через полчаса Чирпанлиев сообщил мне, что Богданов согласен и они могут пойти к нему в Качаник, откуда он облегчит их переход на итальянскую территорию. После этого я сказал Елене Бороха, что она может взять от меня свои вещи / упомянутые выше/, и она мне сказала, что, поскольку она одета только в платье, без карманов и ей некуда их положить, она попросила, чтобы я послал привезти ее багаж с вокзала, тогда она наденет плащ и возьмет их. Это было уже к 12 часам пополудни и я послал их обедать, а после обеда сказал, чтобы они пошли к Богданову и ^виные места, чтобы урегулировать свои дела, так, чтобы к 6 часам уехать поездом в город Качаньк, потому что было уже 30 июля - последний день их пребывания согласно разрешению.

Я уже послал отца дьякона привезти багаж с вокзала. Он его привез в дом Митрополии, но удивленный сказал мне, что было не три, а девять /9/ чемоданов, причем больших,

так что нагрузил ими целую повозку и многие на вокзале были удивлены, откуда этот огромный багаж. Это поразило меня еще больше, потому что только сейчас я понял, что Елена обманула меня в данном случае, а кроме того не знал, зачем ее вызывали в Скопленскую полицию. Я ожидал Елену до половины пятого после полудня в Митрополии, но ни та, ни другая не явились. Я вышел куда-то по служебным делам, и когда вернулся, они еще не приходили. Так как было поздно, в полиции я никого не нашел, чтобы узнать что-нибудь о них, а на следующее утро оттуда мне сообщили, что их вернули в Софию по требованию Дирекции полиции. Это было в пятницу или в субботу, а в воскресенье я поехал уже в Софию. Но в субботу под вечер в Скопле прибыли на машине групповой начальник Георгий Томанов из хозяйственной полиции и инспекторы болгарского народного банка Старирадев и Марков.

Они мне не дали о себе знать вечером, а утром искали меня в половине одиннадцатого, в то время как ^{я уже} в половине восьмого выехал в Софию. Тогда они возвратились на машине в Софию, дождались меня на вокзале и сообщили мне, когда я приехал, чтобы я утром явился к Коларову, — начальнику Криминальной полиции, и только осведомились о том, где я устроился на квартире. Далее началось следствие со стороны болгарского народного банка, в результате которого я был вполне оправдан и исключен из акта, составленного по этому делу.

Вопреки этому прокурор Софийского Областного суда поступил со мной грубо и жестоко, включив меня в свой обвинительный акт с намерением заключить на 3 года в тюрьму. Мое уголовное дело, если не ошибаюсь, за № 116

32

1943 года и теперь лежит неразрешенным в Софийском Областном суде.

Вышеизложенное написал собственноручно: Архимандрит Стефан.

В продолжение данных мною до сих пор показаний дополнительно излагаю следующее:

После моего возвращения из Винницы /Украина/ в Болгарию, я придерживался данного самому себе обещания сохранять полное молчание о виденном в Виннице - обещания данного самому себе по следующим причинам:

1/ Во время моего пребывания в Виннице я понял, что там местное русское население глубоко в душе питало страшную ненависть к оккупантам - немцам, и встретило нас холодно потому, что нас привели немцы в целях своей пропаганды.

2/ Все немецкие военные дома в Виннице, как-то гости-ница, где мы устроились, столовая, где мы питались, во время нашего 24-х часового пребывания в Виннице - были переполнены молодыми русскими женщинами - преимущественно девушками, отобранными за их красоту. В их глазах было видно недовольство и ропот белых рабынь-компаньонок. Это сильно возмутило мое славянское чувство;

3/ Между прочим в Виннице мы узнали, что до войны ее население составляло 100-120 тыс. жителей, из которых до /70.000/ семидесяти тысяч евреев - теперь при нашем пребывании там с 16 июля 1943 года не осталось ни одного еврея - все были вывезены немцами в Польшу и их судьба наверное была трагична. Это возмутило мою славянскую совесть;

4/ Трупы, которые мы видели в количестве более 130-140, почти полностью разложившиеся и ужасно пахнувшие, и дан -

ные с немецкой стороны общие об"яснения в связи со всем этим не создали лично у меня не только твердого убеждения, но даже вообще впечатления, что это обязательно жертвы советской власти и из среды русского украинского населения, а поскольку я знал о немецких методах запугивания своих врагов - например о массовых расстрелах в Сербии - меня ужасно угнетало сомнение, что может быть мы стали невольным орудием немецкой пропаганды;

5/В самом Берлине я почувствовал унижение немцев, а также и то, что они потеряли веру в победу, а шум, который они поднимали за границей являлся следствием преднамеренной пропаганды, и поэтому на основе всего выше изложенного я хотел быть более осторожным и избегал шума вокруг виденного в Виннице.

В Софии, где после моего возвращения из Германии, я оставался только два дня, 27 и 28 июля, я избегал всякой встречи с знакомыми журналистами и редакциями. Неоданно, однако, я встретился в городе с моим приятелем Голубовым, который работал в газете "Дневник". Говорили мы о Виннице, потому что он знал, что я ездил туда. Он хотел узнать о виденном, чтобы описать это в своей газете, но я ему сказал, что сейчас спешу и поэтому сообщу ему в редакцию, чего я не сделал. Я ему сказал также, что для меня самого Винницкая афера кажется очень сомнительной, так что лучше всего было бы не шуметь о ней, и ^{мы} уразошлись. Так как с другими работниками газеты в Софии я не встречался и не делился ничем о находках в Виннице, то для меня непонятно под чьим пером вышло что-то о них в "Иллюстрирована Политика" потому что лично я не был интервьюирован для этого издания. Я вспоминаю, что в то время

я читал заметки, помещенные в "Зора", "Утро" и в тогдашних правительственных газетах "Днес" и "Вечер", напечатанные от имени Бориса Коцева - тогдашнего шефа национальной пропаганды, который непосредственно сам вместе с профессором Станишевым ездили вслед за нами в Винницу. Может быть статья в "Илюстрована Политика" также является интервью, данным Коцевым? Если какие-либо улики указывают на меня, как на автора работы в "Илюстрована Политика", прошу указать их мне, и я тогда мог бы обстоятельно обясниться.

Кроме того, со мной в Виннице были и два моих собрата - архимандриты Николай и Иосиф - не дали ли кто-либо из них материал для написания статьи о Виннице, появившейся в "Илюстрована Политика"? Иным является случай со статьей о моей поездке в Винницу, которая появилась в Скопленской газете "Целокупна Болгария", руководимой Николой Коларовым и оплачиваемой исключительно бывшей властью. Один из сотрудников этой газеты - Атанас Стефанов, который работал в этой газете еще с ее основания, в 1941 году, и который был мне хорошим знакомым еще с момента моего возвращения из Скопле, 29 июля начал очень настойчиво просить у меня интервью о Виннице. Я избегал встречи с ним и это продолжалось так по меньшей мере неделю. Затем он бросил телефон, посредством которого связывался со мной через секретариат Митрополии, и начал сам приходить лично, чтобы получить интервью. Сначала, день или два, он уходил от меня с пустыми руками, но, так как все Скопле знало, что я ездил в Россию, то Стефанов был очень настойчив, желая

дать в период мертвого летнего сезона что-нибудь интересное читателям "Целокупна Болгария". Кроме того, я принял во внимание, что сильным в то время Коларову, Крочеву, Раеву, Китанчеву может не понравиться мое молчание, о чем Стефанов мне намекнул -то, я, при следующем его приезде, рассказал ему о могилах в Виннице и о том, что немецкая пропаганда представляет их жертвы, как следствие террора ГПУ, усилившегося, по их мнению, в Советской России, особенно к концу 3-й Пятилетки. Я описал ему место могил и то, что, по мнению профессора Шрадер, председателя верховного института по криминалистике в Берлине, который в начале раскопок могил ездил в Винницу, все жертвы были расстреляны из револьвера малого калибра 6/35 с 2-3-4 выстрелов в затылок. По этим сведениям Стефанов составил статью и напечатал ее в газете "Целокупна Болгария", но я и до сих пор ее не читал потому что я должен был просто бежать из Скопле, из-за хлопот с услугой, оказанной мною еврейскому семейству Бероха и из-за того, что областной директор Раев, староста Китанчев и помощник областного директора Тома Петров готовили мне скандал публично, или в церкви, как якобы еврейскому пособнику и лже-немецкому другу, и я не видел номера газеты со статьей Стефанова, напечатанной на основе данных мною сведений, и до сих пор мне неизвестно, как они переданы. Это все по данному вопросу.

Так как время, которое я пробыл в Скопле после моего возвращения из Винницы и до моего отъезда оттуда по вышеуказанным причинам составляет не более 8-9 дней, то я не мог говорить в нескольких городских церквях по той простой причине, что в продолжении этого времени имеется только

один воскресный день /праздник/, когда я по обыкновению служил, хотя и не обязательно. Вспоминаю, что именно в воскресный день после моего возвращения из Винницы я служил в кафедральной церкви "Св.Богородица" и в конце держал проповедь по тексту из прочитанной из евангелия на этот день "Св.Литургии". Проповедь не была длинной и вдохновенной по той простой причине, что в летнем сезоне июля и начала августа церкви бывают пустые. Думаю, что все посетители и этой службы в церкви не составляли более, чем 10-15 старых женщин. Почти в каждой проповеди, которые я произносил с начала войны перед христианами в церквях, я останавливался именно на войне, как на одном из самых страшных и трудно объяснимых с точки зрения христианства явлений, которое ясно указывает, что христианство далеко не выполнило свой долг перед людьми. И в этой проповеди я опять говорил в этом духе и увязал это с виденным мною в Виннице, упоминая, что ужасы кровопролития повсеместны, и что Винница с ее массовыми могилами является частью страшной и кровавой картины, которую сегодня представляет собой мир. Так как в Виннице немцы указывали, что после похорон жертв, на следующее лето советские власти в Виннице после уничтожения могил предприняли устройство парка на самых могилах и вокруг них, то они, немцы, говорили: "Матери и ничего не подозревающие дети гуляли по могилам своих мужей и отцов", вероятно я сказал эту, чужую мне, фразу, которая осталась у меня в уме, но не припоминаю - во время ли интервью со Стефановым, или в проповеди в церкви. Больше по этому вопросу я не говорил.

О кумановской революционерке Малинской знаю следующее, причем от других, так как ее никогда не видел: При одном моем посещении Куманова, здешний архиерейский на-

местник - священник Борис Александров, в настоящее время приходской священник в г. Луковит, назвал мне впервые ее имя и лишь потому, что, как говорил он, полиция искала ее очень ревностно, как подпольщицу, но не нашла никаких следов. ее. Наместник указал мне на лавку ее отца и брата, которые, если не ошибаюсь, занимались фотографированием или, точно не помню, торговали фото-материалами. Он не сказал мне что и отец, и брат были националисты и осуждали дочь и сестру, но мы сказали себе, что это может быть из-за страха перед неприятностями с властями, а не из-за того, что они возненавидели по-настоящему свою родную кровь. По истечении, примерно, 10 дней уже в Скопле кто-то опять мне говорил о Малинской, /опять-таки из-за ее неуловимости, но не знаю - гражданское ли это было лицо, или священник Стоил Давидов из Скопле / сообщая мне, что до него дошли настойчиво распространенные слухи, что Малинская скрывается в Скопле под чадрой в виде турчанки, а в Скопле их тысячи, и по политическим и религиозным причинам никто не осмеливается снимать с них чадру, чтобы установить их личность, и поэтому Малинская, по мнению моего собеседника, выбрала себе этот способ скрываться где-то в турецком квартале. Порог скопленской тюрьмы я сам, или с кем бы то ни было другим, никогда не переступал. Мы: Китинчев, генерал, поп Дмитров, помощник областного директора Тома Петров и я, по обычаю, каждые 2 года на третий день рождества делали общий визит в считающийся чисто-болгарским кварталом в Скопле "Чаир", чтобы поздравить его население с праздником Рождества Христова. Нигде больше мы не были вместе. Знаю, однако, что в 1942 году в Мирковском монастыре, в 15 клм. от Скопле, где и Ильин

день собираются на Собор жители Скопленской "Черна Гора" во второй половине дня Китинчев говорил соборянам, делая ударение главным образом на том, что македонское население не должно проявлять никакого недовольства в каком бы то ни было направлении, а только должно радоваться своей свободе и своему об"единению с матерью - отчизной Болгарией. Это я упоминаю, чтобы указать на то, что Китинчев, очень уважаемый властью и самонадеянный, никогда не обращался ко мне для какой-то акции. Так, что когда я слушал его речь перед крестьянами в монастыре, в которой он их уговаривал быть преданными власти и быть верными режиму, я понял, что что-то не в порядке и как это ни было странно, испытал удовлетворение, потому что, вообще, управляющие там своим поведением не могли довести дело до лучшего конца. При областной дирекции имелся пресловутый совет, который был укомплектован из верхушки населения города, проявившей себя тем, что в прошлом имела заслуги перед Македонией. Этот совет давал почти все директивы об управлении Скопленской областью и периодически созывался областным директором. Меня никогда не приглашали туда. А этот совет при раскрытии конспирации давал свое мнение, которое почти всегда усваивалось областным директором. Например, мнение о том, как поступить. Из всего того, что я написал в этом пункте, я только хотел подчеркнуть, что в политическом отношении я был полностью изолирован, занимался только своей работой в Митрополии, а при этом сам не искал другого, так что для политических акций никто меня не зондировал и вообще не подыскивал. Чтобы быть к услугам следствия, хочу сказать и то, что и управ-

ляющий епархией митрополит Софроний, который часто приезжал в Скопле, особенно по праздникам, делал вместе с областным директором и Китинчевым визиты гражданам, и думаю, некоторым учреждениям, гуманным институтам и прочее. Лично я не могу сказать, были ли они с Китинчевым в тюрьме, но не удивительно, если это было, и теперь наше внешнее сходство с митрополитом Софронием дает возможность свалить на меня утверждение, будто я посещал тюрьму с Китинчевым, когда этого никогда не было; я не посещал тюрьмы ни с Китинчевым, ни один, ни с кем бы то ни было другим. Упомяну еще, что священником тюрьмы в Скопле был назначен местный священник Кирилл Стоянов. По сути дела, его постоянно замещал другой пенсионер - священник Трайко Спасов, как более свободный, так что может быть этот священник сопровождал Китинчева во время какого-нибудь визита в тюрьму с преднамеренной целью? Вот, что я знаю по этому вопросу.

На вопрос, произносил ли я речи в церкви, или в других публичных местах и возносил ли я в них хвалу по адресу Германии, Гитлера и немецких войск, отвечаю утвердительно. Хочу только пояснить, что я никогда не говорил с такой целью специально, а это происходило в такие дни, как 7 апреля - освобождение Скопле; знаю также случай, например, при освещении немецкого училища в Скопле, когда было празднование дня рождения Гитлера и проч. Восхвалять Гитлера в Македонии не было чем-то необычным, и даже являлось долгом служебных лиц. Лично я в своих похвалах подчеркивал следующие мысли: что благодаря победоносному наступлению немцев на Балканах мы об"единили свой народ, а вождь Германии Гитлер в данном случае является орудием выполнения этого, так как это об"единение произошло без пролития нашей крови,

подчеркивая, однако, что в прошлой борьбе наш народ проливал реки крови и поэтому об"единение для него не прошло даром.

На вопрос, что я знаю о золотых деньгах, - отвечаю: в кассе Никопольской митрополии имелось золотых 50 монет, преимущественно турецкие лиры, но и французские наполеоны, русские рубли и проч., точно не помню. Эти деньги передал священник - серб, полагаю кассир Засовско-Струмицкой Митрополии, с местонахождением в гор. Штип. Он их передал посланному архиерейским наместником гор.Штип митрополитом Софронием священнику Филиппу Акимову, который принес их в Митрополию в гор. Скопле и передал их лично дедушке Софронию, а он с описью их передал на хранение кассиру, запретив разглашать, что Митрополия обладает такой золотой наличностью, потому что, как говорил митрополит Софроний, "золото - это неприятная вещь". После того, как я уехал из Скопле в августе /начало/ 1943 г. эти деньги остались там теперь, и где они ^{теперь} знают митрополит Софроний и иеромонах Мирон, который унаследовал мою службу в Скопле и др.

Из монастыря " св. Анастасии" у дер.Лешок, Скопленского уезда, я денег не брал, чтобы передать их деду Неофиту - наместнику председателя Святого Синода. От этого монастыря Митрополия получала всякие продукты питания, потому что он имел хорошее хозяйство. Эти продукты не оплачивались. Если бы я даже просил деньги, я не мог бы взять, потому что доходы и расходы монастыря проходили по утвержденному церковной властью бюджету. Монастырь является женским и имеет около 15 монахинь и послушниц. Раньше, однако, этот монастырь был мужским. Женщины - монахини не особенно нравились некоторым лицам из села Лешок, которое непосредственно прилагает к монастырю, потому что ни в корчмы не ходили, ни приглашали

их на гулянья в монастырь, так что зародился острый антагонизм между монастырем и селом, которое в силу своей близости следило за всем, и даже, если монастырь продавал две овцы, сразу в Митрополию поступали письма, чтобы предупредить нас о том, что деньги могут быть украдены, хотя в Митрополии имела точная опись всего монастырского имущества и скота. Так, что в монастыре не могли произвольно и безответственно делать злоупотребления. Таким образом, поскольку эти письма давались по принадлежности финансовому инспектору при Митрополии Петру Ковачеву, он ездил проверять каждый случай, чтобы мы давали ответ областному директору, если запросит, например, потому что письма свои в Митрополию они посылали в копии либо ему, либо полиции. Так что бюджет этого монастыря, так сказать, весь в руках финансового инспектора, который знал и подробностях все и никто не мог злоупотреблять. В этот монастырь я ездил только четыре раза за 2 с половиной года моего пребывания на службе в Скопле. Чаше я не мог ездить из-за отдаленности и главным образом потому, что он находился на самой границе с Албанией, отстоял около 2 с половиной километров от нее и путешествие до него не было безопасным.

Случай, однако, при котором митрополит Неофит, правда, получил однажды деньги у меня, является другим. Когда прошлый год из-за распространившегося слуха об оказанной мною услуге еврейскому семейству Бороха, я был вынужден органами Габровского-Китинчева, Раева, Тома Петрова и К-о покинуть Скопле, я уехал в Софию, но и Синод отвернулся от меня. Мне было очень тяжело и неприятно, когда я попросил деда Неофита, чтобы он взял меня под свое покровительство, так как по его просьбе я оказал услугу Елене Бороха, и когда он мне заявил, что не знает подобную личность, мое огорчение сильно возрос-

ло, когда на следующий день в половине 10-го утра Елена, опережая всех посетителей, сразу была принята старцем, после того, как ему доложили о ней. У него она задержалась долго и вышла с торжествующей улыбкой. Когда я ей пожаловался на то, что сказал мне дед Неофит, она рассмеялась и сказала мне, что с ним они отлично понимают друг друга, что он хотел ее часто видеть, и что теперь устраивают дело какой-то близкой ей женщины, которую она должна привести к нему на следующий день. С ужасом в душе я бежал от народного банка, полиции и прокурора, ломая себе голову, не расхлебав каши, которую заварили для меня он и митрополит Паисий, не встретив хотя бы сочувствия у него, как главы церкви. При одной встрече Божилова с дедом Софронием, который много страдал из-за меня, так как знал, что я невинная жертва упомянутых уже двух владык, Божилов сказал ему, что если он даст ход моему делу, я попаду в тюрьму. В сущности болгарский народный банк оправдал меня, но Божилов мог не утвердить его постановления. Я знал, что дед Неофит и он близки и хорошо друг друга понимают. Я покинул гор. Скопле в самом начале августа 1943 г., а уже был ноябрь, пришло и начало декабря, а я был забыт и являлся безработным. Тогда в своем отчаянии я решил дать взятку первенцу церкви, алчность которого в деньгах мне была хорошо известна, как и всем остальным, которые знают его. Форму, которую я выбрал, была следующая: он написал и издал книги под заглавием: "Воскресные и праздничные проповеди". Я пошел к нему в святой Синод в начале декабря и, не говоря ему ничего о своих неприятностях, сказал ему, что на-днях хочу взять за /65.000 / шестьдесят пять тысяч левов его проповеди, чтобы распространить их посредством своих друзей-священников в Скопленско-Велешской епархии, где нуждаются в

✓ такой литературе на болгарском языке и, как недавний
✓ слугитель в этих краях, знаю это хорошо. Он обрадовался и не удивился, а взял деньги, которые я ему дал, говоря ему, что в следующие дни я свяжусь с ним насчет книг, чтобы получить их для распространения. Приблизительно через неделю я съездил к нему, чтобы просить его ходатайствовать перед Божиловым обо мне и пропустить акт болгарского народного банка. Слава богу, это прошло быстро, и с 1 января 1944 г. я был назначен святым Синодом в качестве главного редактора газеты "Церковный вестник". Больше никогда уже не вставал вопрос ни о книгах, ни о деньгах. Выданные мною деньги - это мои сбережения за время моей службы в церковных ведомствах в продолжении 12 лет. Вернее говоря, я и раньше собирал немного денег, но израсходовал их главным образом на поездки за границу, куда всегда я ездил только за свой счет. Так, например, в 1934 году 4 месяца находился в Германии без чьей бы то ни было помощи. Тогда я служил в гор. Враца. Сразу после моего возвращения Паисий послал архимандрита Николая со стипендией на шесть месяцев в Берн, - в Швейцарию; со стипендией ^{также} ездили: архим. Домаскин, архим. Иосиф, Самуил и много других. А я годами платил Враченскому популярному банку деньги, взятые мною для поездки за границу. И это можно проверить. В Скопленско-Велешской епархии достаточное количество монастырей, которые по церковному обычаю приносили для благословения продукты питания всех видов, так, что мы: я, секретарь Митрополии Вачев и протодьякон Подубный питались почти без денег. Так, у меня за два с половиной года накопилось 55 тысяч левов, а 10 тысяч левов взял в займы

у своего брата Виталия Комалева, который работал в церковной фабрике по производству свечей.

Кроме того, я знаю, что в последнее время имел место перевод суммы до 2 миллионов левов из Скопле святому Синоду или в гор. Тырново, где находится местопребывание митрополита Софония, бывшего управляющего Скопленской епархией. Об этой сумме, однако, можно получить сведения у митрополита Софония.

Об интимной жизни и моих связях с женщинами, как лично моих, так и о некоторых архиерях, которых я перечислю ниже, скажу следующее, прежде всего, лично о себе: будучи студентом в Софии, я установил отношение с одной разведенной армянкой, которую звали Тереза, но фамилию ее я забыл. Этот случай был 12 лет тому назад. В скором времени наши отношения сделались полными, я вступил с ней в половую связь. Эта связь продолжалась почти до конца моего студенчества, когда летом 1932 года окончил университет и с 1 сентября того же года был назначен на службу в г. Враца. Там провел почти 4 года. В это время я имел две случайные непродолжительные связи и отношения с женщинами: во Враце с одной учительницей, имени которой я не помню и опять с одной учительницей, которую звали Трояна Петрова, которая приехала на летние каникулы в Черепишский монастырь. С 1 января 1937 года ^я был назначен на службу в гор. Великое Тырново, где прослужил ровно 2 года. В Тырново я находился в любовных половых сношениях с одной, которая вела бракоразводный процесс. Ее звали Недка Иванова, она жила в Тырново, а затем уехала куда-то; жил еще с одной служащей, которую звали Марийка Димитрова, уроженка этого края и работала в городе. В Тырново имел интимные отношения

и с другой дамой, имя которой я забыл. В Софии поступил на службу 15 января 1939 года. Здесь я был очень занят работой и сначала не имел связи, но впоследствии имел половые сношения с одной, которая разводилась, по имени Николина, фамилии ее не помню. Одна служащая - Тоша, которая рассказывала мне, что имеет близкие отношения с теперешним Старо-Загорским митрополитом Климентом, была близка мне более, чем год, а затем вышла замуж. После нее я связался с одной дамой, которую звали Стефана, но фамилии ее не помню, а затем с одной девушкой - Мима Донева, о которой я знаю, что ^{она} была назначена в последнее время на службу в Беломорье / Примечание переводчика: Эгейское море/. 15 мая 1941 года я отправился в Скопле. Там имел связь с одной девушкой по имени Дора Анаасова. Другой не имел.

О митрополите Паисии почти безошибочно могу утверждать, что он имел интимные сношения с нижеупомянутыми женщинами: г-жа Царева - Македонская еще с ранних лет; с монахиней Рахила из Сославского монастыря Софийской области, с г-жей Вангели Пецева из гор. Враца, а многие говорили мне, что впоследствии имел связи и с ее дочерью Ветка; Веса Янакиева из гор. Враца; с женой Крума Крастьнякова из гор. Враца; раньше с г-жей Еленкой Крестевой из Софии; с одной дамой из Враца, кличка которой "Американка"; с женой архиерейского наместника гор. Плевна, а впоследствии я слышал настойчивые разговоры, что она была замещена ее дочерью Надкой; в последнее время, однако, как будто первенствующее положение в качестве фаворитки заняла г-жа Невена Каменова-Димова, муж которой является начальником церковно-хозяйственного отделения при святом Синоде. По этому случаю утверждаю, что она успешно вмешивается перед дедом Паисием во многие церковные дела, которые ре -

шались так, как это она рекомендовала: 22 января с.г. святой Синод был эвакуирован в Черепишский монастырь, причем семейным служащим было разрешено привести свои семьи и устроить их в здании богословского института при том же монастыре. В то время, как все остальные были стеснены и не имели удобства, Дымовы имели 2 комнаты, склад, кухню с кладовой, отдельную уборную и баню. Столяр святого Синода, который получал зарплату у мужа г-жи Дымовой, пока его не мобилизовали, все лето работал только на нее, чтобы создать ей удобства и комфорт, а две девицы, находящиеся на работе в святом Синоде, обслуживали ее, готовили и стирали только ей. Там все возмущались, но терпели и молчали, потому что знали, чей гнев могут навлечь на себя, если вздумают протестовать. Дед Паисий постоянно навещал их, а во время любой поездки в Софию он брал с собой либо ее одну, либо обоих с мужем. Во Врацу также часто приезжали к нему в гости, его машина - всегда находилась в их распоряжении, из-за чего возмущался его шофер. В святом Синоде муж ее самый нахальный, так как рассчитывает на поддержку деда Паисия. Рассказывают, что на поставках воска, что он делает для всей болгарской церкви, он накопил хорошие деньги. Что они богаты, резко их выдает способ их жизни, который является вполне роскошным и далеко нельзя его сравнивать с жизнью его коллег по служебному рангу, а он имеет двух взрослых дочерей, которых одевает по их желанию, обладает 3-х этажным домом, долгов не имеет, только 3 года тому назад был простым учителем семинарии с маленькой зарплатой. Впрочем, прежде чем связаться с дедушкой Паисием, она долгое время была в интимных отношениях с Неврокопским митрополитом Борисом, который, очевидно, очень многое сделал для

оборудования большого их дома в то время, когда Дымом был есеминарским учителем и долгие годы был болен, так что его зарплату вряд ли могло хватать больше, чем на хлеб и лекарства, а не на постройку большого дома.

Кроме Дымовой, близкой митрополиту Паисию была г-жа Пефева, муж которой является церковным иконописцем, почти не способный как таковой, который, однако, имеет монополию для церквей Врачанской епархии и беря высокую цену за ничего не стоящие работы накопил себе хорошее состояние. По мнению архимандрита Домаскина и Николая, г-жа Пефева была особенно дорога владыке Паисию. Она жила со своими двумя маленькими детьми-близнецами долгое время в митрополии и ее дети были любимцами и деда Паисия, который лично сам их крестил и очень заботился о них. Эту женщину лично я не видел, но о ней знает весь город Враца. Митрополит действительно сильно ее любит.

Митрополит Кирилл имеет любовницей девушку Викторию. Человек из Софии, который, как я знаю, очень заботится о ней, посылает ее на лечение в Италию, создает ей удобства, а в последнее время, по сообщениям отца архимандрита Домаскина, где-то строит ей дачу. Домаскин лично ездил с дедом Кириллом на строительство и может сказать точно где. Это. Другая женщина, которая связана с М.Кириллом - это молодой доктор Манчева, разведенная, о которой в Пловдиве долгое время говорили, что она является его частным секретарем, причем и сама она говорила то же.

Варненский митрополит Иосиф имеет интимные половые связи с разведенной Сией Войниковой в продолжении нескольких лет. Из-за нее он назначил ее брата Евгения управляющим

хозяйством Курилского монастыря, где он совершил массу злоупотреблений, которых, я убежден, он еще не ликвидировал. Кроме нее, по достоверным данным от иеромонаха Наума и других, его любовницей является и жена его дьякона.

Ловчинский митрополит Филарет лично рассказывал мне, что имел половые связи с Зорой Балабановой. Однако большой его любовью была Лилиана Димитрова, которая после того, как он поехал владыкой в Ловеч, пыталась сблизиться со мной. Я бы ее не оттолкнул, если бы случайно не узнал, что она часто бывает у врача Давидова - венерика. И, испугавшись, я не захотел связывать себя с нею. Она много раз приходила и рассказывала мне, что с Филаретом она имела французскую любовь по его желанию. Во время одной нашей прогулки 3-4 года тому назад, разговаривая интимно о таких вещах, Филарет спросил меня, не имел ли я близких отношений с женщинами. Я ему ответил, что даже и подумать не мог об этом, а он мне сказал буквально следующее: "Это чудесно, была бы только женщина сладкая и чистая". Когда он понял, что Лилиана приходила ко мне, то подозревая вероятно измену, он избегал ее, а меня сильно возненавидел. По требованию с ее стороны объяснений в святом Синоде произошел большой скандал, который стал достоянием всех стариков Синода и долгое время о нем не забывали.

О Русенском митрополите настойчиво рассказывают, что он имеет любовницей жену учителя Софийской духовной семинарии Димитрова - Сийку Димитрову. Их летняя интимность, их постоянные поиски друг друга в Черепишском монастыре сильно

утвердили во мне эту мысль.

Вышеизложенное написал собственноручно архимандрит- Стефан.

Я, архимандрит Стефан Николов, дополнительно показываю:

Приглашение немецкого посольства, адресованное святому Синоду о посылке делегации из духовных лиц через Германию в Винницу / Украина/ принес Бирман, ад"ютант немецкого полномочного министра в Софии - Бекерле.

Это приглашение, как лично заявил мне Бирман, когда я принес в посольство фотокарточки для своего паспорта, предназначалось для владык, причем были указаны митрополиты Паисий и Кирилл и профессор протопресвитер Стефан Цаньков из Богословского ф-та. Так как святой Синод еще не закончил свою летнюю сессию в полном составе, то владыки не могли поехать, а профессор Цаньков думаю, отказался из-за слабого состояния своего здоровья и поэтому послали нас.

Когда Бирман пришел в святой Синод с официальным приглашением, я был в верхнем коридоре, где находятся кабинеты большинства митрополитов, причем в конце коридора, ближе к центральной лестнице, которая ведет к красному залу и к залу заседаний.

Митрополиты Паисий и Кирилл вышли и встретили Бирмана еще на лестнице и, похлопывая его по плечам, повели его в зал /Красный/. Там были и другие митрополиты, но Софийского не было. Вспоминаю, что среди других был и Неврокопский Борис. Не более, чем через 15 минут пребывания, Бирман ушел в особо приятном расположении, будучи сопровождаем очень любезно вниз по лестнице Паисием и Кириллом, а за ним шел Неврокопский Борис. По возвращении прежде, чем войти в зал заседаний, на площадке перед залом подчеркнуто сообщили, что решено поехать нам с

отцом Иосифом. Как я уже сказал, архимандрит Николай сам предложил свою кандидатуру и синоду и немцам, и был дополнительно включен в делегацию. Так было в отношении решения о нашей посылке в Винницу. Особое впечатление произвело на меня, повторяю, опять то, что в синоде Бирман обращался к митрополитам Паисию и Кириллу и при этом очень свойски и как близкий человек.

Повторяю ясно, что, если бы не было архимандрита Николая и его близких связей с Найденном Памукчиевым, который находился на службе немецкой пропаганды, мы с отцом Иосифом не говорили бы по радио "Донау" в Берлине. Я не знал Памукчиева. Отец Николай познакомил нас при случайной встрече на бульваре "Унтер Ден Линден" по близости к гостинице "Адлон", где он остановился и сразу после знакомства упрекнул нас, что только мы прогуливаемся, не выполнив до конца своего долга, потому что не выступаем по радио "Донау", что он уже сделал. В дальнейшем он и Памукчиев не оставляли нас в покое, пока не поставили нас перед микрофоном. И здесь опять первым говорил, как я уже упоминал в первоначальных показаниях, архимандрит Николай, затем я и, наконец, Иосиф, каждый в свою очередь. Содержание того, что говорилось, прошу взять из первых моих показаний.

После моего возвращения в Болгарию, святой Синод уже по окончании сессии разехался.

В святом Синоде я представился только софийскому митрополиту Стефану в его кабинете. На его вопрос о новостях, кратко говоря, я сказал ему почти дословно следующее: боюсь, что нашей поездкой в Винницу, может быть, мы способствовали прикрытию и фальшивому объяснению страшного немецкого зло-

деяния. /Здесь я подробно рассказал деду Стефану об исчезновении винницких евреев, о холодности, с которой нас приняло местное население, рассказал, что и там существует церковь и пр. и др. вещах, о которых я писал подробно в предыдущих своих показаниях/. И теперь ^яопять повторяю, как сказал деду Стефану, о том, что мы видели в винницких могилах, что это объективно никак не может быть приписано русским властям. Сомнение, что жертвы в Виннице являются жертвами оккупантов - немцев начало мучить меня еще с первого момента, когда отвели нас к ним и особенно после того, как я убедился, что русский народ ненавидит немцев, едва-едва переносит оккупацию и является преданным Советскому режиму. Это я читал в глазах местного населения. Этими своими мыслями я поделился, кроме деда Стефана, еще и с отцом Архимандритом Домаскином - секретарем Святого Синода, и, причем, непосредственно после того, как я вышел из его кабинета и пошел к отцу-секретарю. Эти же самые вещи и тоже в течение 10 дней, я говорил инженеру Павлу Цанкову из главной дирекции по железным дорогам, его жене, Ангелу Кожухарову из Софии, профессору Александру Бурмову и др.

О моих связях с немцами; правда состоит в следующем: если вообще, то, на что я укажу, может быть названо связями, то они являются только официальными служебными и никогда не завязывались и не создавались по моей инициативе. Я был заместителем в качестве протосингела Скопско-Велешской митрополии, управляющего этой митрополией - Тырновского митрополита Софрония. Он приезжал редко в Скопле и там оставался недолго. В его отсутствии я замещал и представлял его повсюду и всегда во всех случаях и торжест-

вах, когда приглашали местную церковную власть, когда необходимо было ее участие в богослужении или ее присутствие. Так, во время освящения Скопленского немецкого училища, мы были официально приглашены. Там присутствовал специально прибывший для торжества из Софии полномочный министр Декирле. Меня официально представил директор училища. По-немецки говорю я несобенно хорошо, но удовлетворительно. На устроенном вечере во-время нашего разговора Бекерле и его жена мне сказали, что они особенно близки с владыками Паисием и Криллом и часто встречаются с ними. С этого чисто просветительного торжества еще с осени 1941 года я знаком и с представленным здесь мне Бирманом, который был личным ад"ютантом Бекерле. С министром Бекерле из Софии прибыли и другие немцы, мы обменялись рукопожатиями, но впоследствии я их не видел и не помню их. Бекерле, а с ними и Бирман, сопровождаемые многими спутниками приезжали еще раз в Скопле - 1942 году ко дню 7 апреля, т.е. в тот день, когда немецкие войска в 1941 году вошли в Скопле и который считается днем освобождения этого города. Торжество началось панихидой на городской площади, которую из-за отсутствия митрополита провел опять я, вместе со всем городским духовенством. Затем мы вместе со всеми официальными лицами и войсковыми частями посетили немецкую военную могилу, где только Бекерле и наши власти положили венки. Бекерле приглашал меня посетить его, когда я буду в Софии, но никогда я его не искал ни в Посольстве, ни в его доме и не давал о себе ему знать. В немецком посольстве я никогда не был и не переступал порог ни одного немецкого дома, учреждения или чего либо-другого, кроме случая, когда

мы с отцом Иосифом поехали в немецкое посольство, чтобы передать необходимые сведения и материалы, нужные для паспортов в связи с нашей поездкой в Винницу и затем, когда 13 июля 1943 года я ожидал на улице перед Посольством, чтобы отвезли нас в машине от Миссии до аэродрома "Божуриште", откуда мы должны были продолжить путь Берлин-Винница. Настаиваю на том, чтобы это было проверено.

В Скопле я официально был знаком с немецким генеральным консулом Вите. При его назначении на этот пост он явился в Митрополию, чтобы представиться. Тогда там находился и управляющий епархией митрополит Софроний. Так что его принял он, а затем познакомил и нас, так как я ждал его у входа, поскольку мы были уведомлены о его посещении. Я вышел и оставил их разговаривать, а сам отправился по своим делам. Впоследствии мы с ним встречались на торжествах, парадах и пр., здоровались и обменивались несколькими словами. Он приходил один раз в Митрополию на Новый год, а я в таких случаях посылал ему открытку. Утверждаю, что за мое пребывание в Софии, за 2 года и 3 месяца я ни разу не посетил немецкого Посольства и прошу это также проверить.

Вот все о моих связях с немцами.

О хранении в Скоплинской Митрополии золота в моих заметках в количестве 50, уже подробно сказал в приложенных мною показаниях, которые все исчерпывают. Здесь только упомяну, что священник Филипп Якимов, бывший Штипский архиерейский наместник, который принес вышеуказанные деньги и передал их митрополиту Софронию, теперь находится на

на службе в Тырновской партии, где ^{он}раньше - до его отъезда в Штип был энорийским священником в селе Стефан Стамболово, Тырновского уезда. Может быть он опять является священником этой Энории, но это точнее знает митрополит Сафроний, потому что он назначает, или перемещает священников в своей епархии.

Теперь расскажу об одной моей встрече в г. Скопле с бывшим министром внутренних дел, которая имела для меня роковые и самые плохие последствия.

Одним воскресным днем в середине июня 1942 года я служил св. литургию в кафедральной церкви " св.Богородица" в г. Скопле. Служба уже подошла к половине, когда один из церковных прислужников вошел в св. алтарь и подал мне визитную карточку: Взял я ее и прочитал имя министра Габровского, который собственноручно отметил следующее: " Прошу отца Архимандрита после окончания службы прийти в кабинет Областного директора повидаться". После роспуска церкви я отправился туда и застал собравшихся в этом кабинете министра Габровского, Областного директора Дмитрия Раева и генералов Василия Бойдева, командующего 5-ой армией и Петра Пенева, командира 14-ой дивизии. После обмена приветствиями и обыкновенного разговора Габровский прямо спросил меня, что я думаю о положении в Македонии? Я должен пояснить, что накануне закончила свою работу 2-х дневная конференция архиерейских заместников Скопленско-Велешской епархии, ~~возванная~~ созванная со служебной целью. Однако вместе со специальной служебной работой я у каждого осведомлялся и о положении в его духовном уезде, а также и о настроении среди населения. Почти все представили мне положение, как очень плохое, и поведение со стороны полицейских и административных властей, как нетактичное грубое и вызывающее, чем не

не только что не приобщали население к старому отечеству, а даже отталкивали его. Мое личное мнение было почти то же самое. Так что на вопрос Габровского я очень подчеркнуто изложил ему все это, в конце попросив генералов и Областного директора, чтобы они подтвердили то же самое. Они неохотно и мямля говорили, будто это имеет свои причины, и полуподтвердили сказанное мною.

Габровский сказал мне, что я слишком пессимист, что это его удивляет, я ему ответил: как не быть пессимистом, когда население здесь считает нас узурпаторами и людьми, которые навязывают им себя! Так мы разошлись. Но добавлю, что обидчивый Габровский почувствовал себя особенно задетым, так как для меня было ясно, что он ожидал похвалы и поощрения для политики, которую он проводил в Македонии, а услышал острую критику с моей стороны. На следующий день после бурного собрания в Муниципалитете, где я не присутствовал, и где Габровский услышал также и от представителей населения острые речи на недовольство, он уехал крайне раздраженный в Софию и председатель Скопленской областной счетной палаты, который публично раскритиковал политику Габровского на собрании в Муниципалитете был телеграфно отстранен от должности. Речь идет о Методии Кайдымове, который остался в качестве адвоката в Скопле. Лично я знал хорошо, что в лице Габровского, всесильного в то время, я уже приобрел себе большого врага. И когда в 1943 году произошел случай с еврейской семьей Бороха, Габровский приказал Раеву и Николе Коларову - директору газеты "Целокупна България" всеми средствами сделать меня не возможным для Скопле и прогнать меня оттуда. Это мне сказал Скопленский адвокат Владо Попов, очень близкий Раеву, кото -

рый сообщил ему, что поднятый вой и преследование меня являются следствием личного приказанья Габровского. И действительно, когда митрополит Софроний к 24.УШ опять возвратил меня в Скопле и сам приехал со мной, сразу на другой же день в Муниципалитете старостой Китинчевым было созвано общегражданское собрание, которое решило, чтобы я был публично освистан даже в церкви и выгнан из Митрополии. Собрание решило также послать в Софию специальную делегацию в св. Синод, чтобы просить немедленного моего отстранения и строго^{го} наказания. На этом собрании особенно яростными моими противниками были, кроме старосты Китинчева, еще и следующие лица: Тома Петров, тогдашний помощник Обл.директора, Бунчо Бунев, Коце Кратовалиев, Кирилл Дрангов, Перса Джикова вместе со своим мужем и деверем, отец Тома Петрова и др. 28 августа умер царь. На следующий день 29, в воскресенье при огромном стечении народа в кафедральной церкви митрополит Софроний вместе со мной и городским священником отслужили панихиду. Когда мы вышли из церкви некоторые предупредили его, а также и меня, что собирались оплевать и выбросить меня из храма, но воздержались только из-за траура по царю. Тогда дед Софроний увидел, что я не могу оставаться в Скопле, сообщил св.Синоду и я возвратился в Софию, где оставался без работы до 1-го января 1944 года. Делегация приезжала к наместнику Председателю св.Синода митрополиту Неофиту и несдержанно ругала меня, как он мне об этом сказал, как пособника евреев, противника власти и немцев, и угрожали мне самым циничным способом всевозможным издевательством, если бы я вернулся в

Скопле. В этой делегации было около 15 человек: отец Тома Петрова, Коце Кратовалиев, Бунчо Буне, Перса Джикова и др. Самое интересное заключается в том, что, прежде чем прийти в св. Синод, делегация была на продолжительном приеме у министра Габровского, где была особенно настроена против меня. Все это произошло в те дни, когда готовились похороны царя и в это время я был самым жалким из духовных лиц без службы и преследуем и без какого бы то ни было сочувствия со стороны св.Синода, чье поручение / вернее поручение Неофита и Паисия / я выполнил, стараясь самым бескорыстным образом услужить бежавшему еврейскому семейству Бороха. Напротив, вместо сочувствия митрополит Паисий даже заявил мне с каким-то злорадством, что Симеон Радев сказал лично ему, что меня ненавидят люди Габровского и немцы в Скопле, о моем возвращении куда не может быть и речи. Отец Паисий еще сказал мне, что многие люди говорили лично ему, будто я повсюду говорил, что песенка Германии спета, что в России народ любит большевистский режим и, что союзники победят, и что лично я буду рад тому, чтобы это случилось ^{по}скоро. Отец Паисий предупредил меня о том, что немцы знали об этом моем поведении, сказал мне, что я могу сильно пострадать от этого, затруднив и без того мое трудное положение даже в церкви и запретив мне болтать глупости, как он выразился. Думаю, что это он мне сказал в присутствии деда Софрония, который смягчил мое положение словами: враги отца Стефана хотят уничтожить его и поэтому теперь всячески стараются поставить его в такое невыгодное положение, какое им вздумается". Два-три дня после этого митрополит Софроний сказал мне дословно: Вчера вечером после ужина в св.Синоде перед дедом Неофитом Иосифом Варнен -

ским и мною / т.е. Софронием/ митрополит Филарет заявил в столовой, что Никола Коларов - областной директор и директор газеты "Целокупна България" встретил его на улице в Софии в тот же день и сказал ему: "Отец Стефан / т.е. я/ говорил против немцев и они это знают, и поэтому когда я пошел приглашать немецкого посла приехать в Скопье для панихиды, которая должна была иметь место в день похорон царя 5-го сентября 1944 года, чтобы он присутствовал, посол сказал резко: "Если панихиду будет служить архимандрит Стефан сообщаем, что я не приеду." Вот какой был я "германофил", и как много меня "любили" немцы.

Надо сказать, что с особым уважением и почетом в среде министров, главным образом у Габровского, пользовался митрополит Филарет. Уважал его и Башилов. Ему специально посылали машину, чтобы привезти его из Битоля, когда он был там, в качестве управляющего Охридско-Битольской епархии, в Софию, где хотели посоветоваться с ним по некоторым вопросам, как говорил сам митрополит Филарет, когда проезжал по пути из Битоля в Софию через Скопье, где останавливался, чтобы отдохнуть или переночевать. Когда бывшее регентство вместе с царицей - матерью приступили к назначению Наставнического Совета для Е.В. Царя, как малолетнего, тогда опять посылали машину искать Филарета, чтобы беседовать с ним. В это время он мне сказал: "Браток, я сделался наставником царя / только наставником/, чтобы регенты / бывшие/ успокоили свою совесть, потому что я знаю из самого достоверного источника во дворце, что завещание покойного царя говорило категорически, чтобы я был регентом, а поскольку регенты спрятали его или умолчали и дали другой состав регентству меня хотели удовлетворить хотя бы частично, давая мне хотя почтенное место наставника."

Знаю, что друзьями Филарета во дворце являются: Генчев, Ханджеев, Стаменов, и подполковник Генов. По некоторым намекам с его стороны, я понял, что он пользовался доверием и ее царского ~~высочества~~ княгини Евдокии и даже доверием ее величества царицы. Чтобы охарактеризовать, насколько стремительно было влечение Филарета ко дворцу и к бывшему царю, расскажу о следующем истинном случае: в ранние весенние дни 1939 года я, как протосингел софийской митрополии, Филарет в качестве викарного епископа ее же и софийский адвокат Тодор Татаров - теперешний народный обвинитель, прогуливались однажды перед обедом в праздник по будвару "Царь освободитель". В то время, когда мы находились у здания университета, мимо нас проехала машина. Все трое повернулись и в это время мимо нас прошла легкая, спортивная машина серого цвета с одним человеком в ней, который как будто помахал рукой к нам и машина умчалась. Тогда Филарет запрыгал на улице, разохался, не мог себе простить, что царь проехал, приветствовал его, а он увидев его, растерялся от радости и не ответил на приветствие. Это свое огорчение он повторил не менее 5-6 раз перед нами с Татаровым, с которым мы не однажды шутили над Филаретовым царегугодничеством, выраженном в такой мелочности!

Когда после похорон его величества в прошлом году началась подготовка для выборов регентов, однажды вечером я встретился в кафе "Болгария" с инженером Димитром Чкатровым из Скопле, приехавшим, как он мне говорил, с группой приятелей, вызванных Габровским в связи с выборами регентов. Во время нашего разговора Чкатров гневно мне сказал,

что народный представитель Никола Минков в этот день в частном заседании большинства заявил следующее: господа, заявляю Вам, что македонское население хочет, чтобы обязательно в состав регентства был включен Георгий Кьосеиванов. Когда его спросили откуда Никола Минков знает это, он ответил " в этом меня категорически уверил управляющий Охридско-Битолской епархией - митрополит Филарет", а Чкатров был против всего этого и находил, что Никола Минков и Филарет, преследуя свои цели, рассказывают вымышленное. Когда уже настало 9 сентября 1944 года и вскоре после этого была оповещена программа Правительства Отечественного фронта, я и архимандрит Домаскин, секретарь св.Синода, часто говорили о том, чтобы церковь из фашизированной и окаменевшей под руководством митрополита Паисия и К^о, как он выразился, как можно скорее была реформирована и оживлена путем живого и деятельного участия в ее жизни и управлении мирского элемента, и пр. Хотели мы создать Вѣрхов - ный Комитет Отечественного фронта посредством выделения представителей из II-ти епархий в стране с местопребыванием в св. Синоде и пр. Однажды, во время последней сессии /внеочередной/ св.Синода в уменьшенном составе в Черепишском монастыре мы изложили эти мысли перед митрополитом Паисием в присутствии митрополита Софрония и Камена Дымова, начальника церковно - хозяйственного отдела при св.Синоде. Дед Паисий сказал, что никакой речи не может быть о комитетах, и что святой Синод не признает других факторов, кроме себя, для реформирования и устройства церкви. Митрополит же Кирилл Мефодий заявил мне и Паисию в Софии, что сказал представителям церков - ного комитета о реформах и Отечественном фронте, что будут растрижены все духовные лица, которые хотят зани -

маться реформированием церкви от имени разных комитетов.

Вышеизложенное подписал собственноручно: Архимандрит
СТЕФАН.

Вышеизложенное показание хочу дополнить следующим: когда после услуги, которую я сделал в прошлом году еврейскому семейству Бороха, я остался без службы, речь зашла, по словам митрополита Паисия, о том, чтобы св.Синод предложил мне быть главным духовным руководителем организации "Бранник". Я сказал, что не имею никакого желания к этой службе, а митрополит Паисий сказал мне, что на желание не будут смотреть, а чтобы была работа, но хотели проверить настроение главного штаба "Бранника" по отношению ко мне и хотели ли бы они взять меня к себе. Через 2-3 дня митрополит Софроний и Паисий сказали мне, что обо мне и речи не может быть, чтобы я был представителем св.Синода в организации "Бранник", потому что я антифашист и скомпрометирован для них, как друг евреев. Тогда представителем св.Синода в организации "Бранник" и его верховным духовным руководителем был назначен архимандрит Иосиф - начальник Культурного Отдела при св.Синоде.

Написал вышеизложенное собственноручно: архимандрит
СТЕФАН.

Верно с оригинала, председатель третьего верховного состава Народного суда - Софии.

/Борис Лозанов/

Министерство Юстиции удостоверяет, что поставленная выше подпись Главного Прокурора Верховного Кассационного суда Бориса Лозанова - Председателя 3-го Верховного Состава Народного Суда Софии, является его саморучной подписью.

София, 21-го марта 1946 года.

/Печать/ Начальник Гражданского Отдела: подпись /Б.Добрев/.

Министерство Иностранных Дел и Вероисповеданий удостоверяет подлинность вышеположенных подписей и печати Министерства юстиции.

София, 21 марта 1946 года.

Секретарь Консульского отдела / подпись неразборчива/.
/Печать/ Драгоман-Кассир Н.Неделков.

/Печать/ Настоящий документ легализован в Консульском
Отделе Миссии Союза ССР в Болгарии
Гор.София, 21 марта 1946 г.

Заведующий Консульским Отделом
Миссии Союза ССР

№ 126

Подпись неразборчива

Настоящая папка содержит 44/сорок четыре/ листа

Начальник Уголовного отдела
при Министерстве Юстиции

/Печать/ Подпись/ Ст.Станев/.

Перевел: *Нен* /Ненов Т.И./